

и достаточно широко используется в практике обучения студентов и аспирантов философских и филологических факультетов. Она открывает целую серию монографий, издаваемых Институтом языковедения АН СССР под общим названием «Проблемы марксистско-ленинского языковедения».

Чесноков П. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилов В. З. Грамматика и логика. М.—Л., 1963, с. 3, 6, 11 и др.
2. Панфилов В. З. О соотношении внутрилингвистических и экстралингвистических факторов в функционировании и развитии языка.— В кн.: Теоретические проблемы современного советского языковедения. М., 1964.
3. Панфилов В. З. Философские проблемы языковедения. М., 1977, с. 6, 7, 31—32, 103—105 и др.

4. Панфилов В. З. Карл Маркс и основные проблемы языковедения.— ВЯ, 1983, № 5, с. 12—13.
5. Серебренников В. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983, с. 52—53.
6. Философские основы зарубежных направлений в языковедении.— М., 1977, с. 51—62.
7. Чесноков П. В. Семантические формы мышления как значение грамматических форм.— В кн.: Семантика грамматических форм. Ростов-на-Дону, 1982, с. 3—11.
8. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм.— Полн. собр. соч., т. 18, с. 245—248.
9. Чесноков П. В. Предикативность и модальность как семантические признаки предложения.— В кн.: Единицы морфологии и синтаксиса в семантическом аспекте. Ростов-на-Дону, 1979.

Неверов С. В. Общественно-языковая практика современной Японии.— М.: Наука, 1982. 150 с.

В монографии С. В. Неверова рассматриваются две важные и недостаточно исследованные в нашей науке проблемы: функционирования языка в современном японском обществе и изучения этого функционирования в работах ученых школы «языкового существования» (гэнго-сэйкаку) — влиятельного направления в современной японской науке.

Изучению функционирования языка в японском обществе специально посвящена первая глава книги (с. 9—20), однако эта проблематика рассматривается и в ряде других ее глав в связи с исследованиями школы «языкового существования». Автор рассматривает различные аспекты языковой ситуации в современной Японии, которая имеет много общего с ситуацией в других развитых капиталистических странах, но содержит в себе и ряд специфических явлений. К ним относятся позднее формирование современного литературного языка (XIX в.), сохранившееся долгое время и не полностью исчезнувшее до сих пор большое расхождение между устными и письменными вариантами литературного языка, живучесть диалектов, оказывающих влияние на литературный язык. Убедительно показывается, что возникновение школы «языкового существования» в 40-х гг. XX в. было стимулировано в первую очередь практическими причинами: необходимостью разработки научной основы для языковой политики, прежде всего для завершения процесса формирования японского языка.

Большая часть книги (главы II—VI) посвящена изучению школы «языкового существования» и анализу ряда ее конкретных работ. Еще в 50-х гг. на значительные деятельности этой школы обратил внимание наш крупнейший японист Н. И. Конрад, посвятивший этому специальную статью [1]. Однако в дальней-

шем на исследования школы «языкового существования» у нас не обращалось должного внимания, хотя они представляют несомненный интерес не только для японистов, но и для языковедов других специальностей, которые не могут познакомиться с ними из-за языкового барьера (работы ученых данной школы печатаются почти исключительно на японском языке). Поэтому очень своевременным следует считать выход книги С. В. Неверова, являющейся первым в нашей стране (и вообще где-либо за пределами Японии) монографическим исследованием данного направления японской науки.

С. В. Неверов анализирует историю развития школы «языкового существования», в основном сформировавшейся в 40—50-е гг. Справедливо подчеркивается роль Токиэда Мотоки как основателя этого направления, подробно разбираются взгляды Нисио Минору, Икэгами Тайдзо, Хага Ясуси и других ученых, выявляются сходства и различия их точек зрения. Жаль, что не рассмотрены работы такого влиятельного представителя школы «языкового существования», как Сибата Такэси, в частности, его обобщающая книга [2]. Большого внимания, на наш взгляд, заслуживают и работы Минами Фудзико, в которых предпринимается попытка соединить результаты, полученные в исследованиях школы «языкового существования», с общелингвистической теорией. Пожалуй, именно эти два ученых в значительной степени определяли развитие данного направления в 70-е гг.

Школа «языкового существования» представляет собой этап развития японской национальной лингвистической традиции. Как верно отмечено, «японская теория языкового существования развилась на национальной почве» (с. 5). Ученые этого направления, испытавшие определенное влияние американской социо-

логии и социальной психологии, не приняв основных положений современной им европейской и американской лингвистики, прежде всего тезис о том, что основным объектом лингвистического исследования является язык в сосюрювском смысле. На с. 23—25 книги анализируются взгляды основателя школы Токиэда Мотоки, в частности, приводится такое его высказывание: «Если для Соссюра вопрос состоит в использовании языка (langue), то для меня вопрос заключается именно в процессе выражения через язык, т. е. в самом языковом выражении, язык же я считаю психическим процессом» [3]. Такая направленность характера и для других ученых данной школы, только интерес к психическим процессам у них сменился интересом к процессам, происходящим в обществе. С. В. Неверов приводит различные определения основного объекта исследования этих ученых, «языкового существования» (с. 23—29); показано, что при некоторых расхождениях во мнениях все эти исследователи понимают «языковое существование» как речевую деятельность в связи с прочими видами деятельности человека.

Таким образом, по направленности, по объекту исследования школа «языкового существования» значительно отличается от любого направления языкознания в Европе или Америке. С. В. Неверов справедливо указывает, что тематика, специфическая для школы «языкового существования», в европейской науке разрабатывалась не лингвистикой, а другими дисциплинами — поэтикой и риторикой, которые к тому же ориентировались не на любую речевую деятельность, а лишь на некоторые ее специфические виды, имеющие особую общественную ценность (с. 93—94). Тем самым многие проблемы, связанные с речевой деятельностью человека, были впервые поставлены в мировой науке учеными школы «языкового существования».

Поэтому особую ценность представляют разделы монографии, где излагаются конкретные результаты исследований этой школы (главы III—V). Описан полученный японскими учеными большой и разнообразный материал, иллюстрирующий устную и письменную речевую деятельность японцев, а также восприятие ими устной и письменной речи. В частности, собраны данные о том, сколько времени затрачивают представители тех или иных групп населения на говорение, чтение, слушание, письмо, каким количеством лексических единиц и письменных знаков владеют те или иные носители японского языка, как эти люди относятся к тем или иным видам речевых действий, и т. д. Огромный эмпирический материал такого рода, часть которого приводится в книге, дает интересную информацию о социолингвистических проблемах современной Японии.

Подробно описаны исследования японских ученых в области изучения процессов массовой коммуникации, имеющие четкую практическую направленность. Их цели — поддержание языковой нормы в текстах прессы, телевидения и радио, а также выработка рекомендаций

для правильного построения текстов средств массовой коммуникации с целью максимального воздействия на адресатов.

Разработка практических мер для повышения эффективности воздействия прессы, телевидения, рекламы и т. д. привела к формированию в Японии более общих концепций, в которых рассматриваются правила, по которым происходит процесс говорения и слушания, сопоставляются разные типы этих процессов (монолог, диалог, беседа и др.). С. В. Неверов подробно описывает эти концепции, чему посвящена глава IV книги. Справедливо подчеркивается связь этих исследований с традиционными формами японской речевой культуры, так называемой «японской вежливостью» (с. 72).

Недостаток места не позволил С. В. Неверову в равной степени осветить все проблемы, разрабатываемые школой «языкового существования», например, в стороне оставлены диалектологические исследования. Однако в целом книга дает хорошее представление о вкладе, внесенном в науку представителями этой школы.

С. В. Неверов пишет: «Некоторые черты японской теории языкового существования для европейского восприятия представляются весьма привлекательными, другие кажутся довольно примитивными» (с. 5). В его книге основное внимание уделено рассмотрению позитивных результатов; показано, чем исследования школы «языкового существования» интересны для советского языкознания. В меньшей степени говорится о недостатках, свойственных этой школе. На наш взгляд, подробнее следовало бы остановиться, в частности, на подчеркнутom эмпиризме этой школы и недостаточной разработанности общей теории.

К книге приложен «Словарь терминов языкового существования», содержащий толкования 243 терминов. Словарь очень ценен для понимания идей исследуемой школы. В словарь включены как термины, специфичные для нее, так и термины, общеупотребительные в японской науке вообще, например, «бунго» (старописьменный японский язык), «гайрайго» (заимствования нового времени в японском языке); помещение последних в словарь оправдано, поскольку они входят в общую систему терминов школы, но их следовало бы как-то отграничить.

Книга не лишена спорных положений и отдельных неточностей. Слишком категоричным представляется утверждение о том, что сейчас происходит «формирование нового устно-письменного общего языка» в Японии (с. 16). После войны в японском литературном языке произошли большие изменения: завершилось его нормирование, в частности, в области лексики и орфоэпии, развились новые функциональные стили, литературным языком овладело практически все население Японии. Однако в целом нормы литературного языка, сформированные в конце XIX — начале XX в., сохраняются и сейчас, особенно в области грамматики; большинство функциональных стилей литературного языка существует без особых изменений с довоенного времени; изменения в лексике вряд ли столь вели-

ки, чтобы говорить о смене языка. Скорее речь может идти о новом этапе развития современного литературного языка. К тому же процессы установления языковой нормы, не завершившиеся ко времени возникновения школы «языкового существования», сейчас в основном завершены; теперь главная практическая задача японских лингвистов — поддержание и совершенствование нормы [см. 4]. Вряд ли следует сводить массовые обследования, перечисленные на с. 45, к изучению лексики; в них был получен обширный материал и по функционированию грамматических, а иногда и фонетических явлений. При описании омофонии в японском языке не сказано об ударе, которое различает многие из упомянутых на с. 18 омофонов. Но сам факт, что японские ученые не различивают собственно омофоны и квазиомофоны, различающиеся ударением, требует объяснения; ср. упоминание на с. 35 того, что первоначально в японской науке бытовало мне-

ние, согласно которому в японском языке удара нет.

Однако в целом книга С. В. Неверова дает хорошее представление о языковой ситуации в Японии и о школе «языкового существования».

Алпатов В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конрад Н. И. О «языковом существовании». — Японский лингвистический сборник. М., 1959.
2. Сибата Такэси. Сякай-гэнгогакуно кадай (Задачи социолингвистики). Токио, 1978.
3. Токиэда Мотоки. Кокугогаку-гэнрон (Принципы японского языковедения). Токио, 1941, с. 125.
4. Neustupný J. V. Post-structural approach to languages. Tokyo, 1978, p. 163, 167.

Lunt H. G. The progressive palatalization of Common Slavic. — Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1981. 98 p.

Прогрессивная, или бодуэнова палатализация заднебных (далее — БП), которой посвящена работа Г. Ланта, по праву считается «вечной» проблемой славистики. Именно чуть более века назад — в 1879 г. — А. А. Потебня выдвинул первую гипотезу, трактовавшую ее как особое изменение (правда, пока еще не прогрессивное). Сегодня таких гипотез известно множество: особый случай йотации (А. А. Потебня, К. Кнутсон, Р. Экблом), прогрессивное воздействие высокого переднего гласного (И. В. Ягич), то же в ударном слове (И. А. Бодуэн де Куртене), то же перед ограниченным классом гласных (А. А. Шахматов), то же перед *j* (К. Бругман, Й. Миккола), прогрессивное межгласное взаимодействие (Ф. Мареш) и т. д.

Поскольку все эти гипотезы наталкиваются на многочисленные исключения, в толковании БП с давних пор не прерывается традиция, приводящая к синтезу прогрессивного воздействия с морфологической аналогией или даже к чисто морфологическим трактовкам изменения (Я. Отрембский, Й. Хамм).

Не порывая с этой традицией полностью, Г. Лант прежде всего стремится построить внутриуровневую модель. Такая установка заслуживает безусловного одобрения, тем более в исследовании, выполненном с позиций генеративной лингвистики, для которой характерна максимальная интегрированность фонологических процессов в морфологию.

К своему исследованию Г. Лант пришел от описательной старославянской грамматики [1] — путь, типичный для генеративиста. Он убежден, что «...отношения внутри одной и той же системы могут одновременно быть историческими и синхронными» (с. 7), хотя и отвергает

тезис об априорном тождестве порядка правил синхронного порождения и относительной хронологии соответствующих процессов. Генеративный анализ старославянского материала становится источником исходной, рабочей формулы БП $\text{Ci}(N)\text{-}\check{a}$ («после высокого переднего монофтонга или его сочетания с носовым сонантом перед нижним задним гласным»).

Эта формула закономерно приближается к наиболее популярной, максимально «позиционной» модели БП, выдвинутой А. А. Шахматовым. В аспекте относительной хронологии она соответствует другой концепции (Г. А. Ильинский и др.), так как предполагает эпоху до устранения праславянских дифтонгов, а значит, и до регрессивной свистящей палатализации заднебных (далее — СП). Вопрос об отношениях с регрессивной шипящей палатализацией (далее — ШП) пока остается открытым.

Далее следует первый цикл исследования (с. 13—25) — подробный анализ языкового материала в свете полученной формулы. Левое условие объясняет сохранение заднебного в трех случаях:

1) После *i*, для которого установлено (или хотя бы можно предположить) дифтонгическое происхождение: *великъ*, *еликъ*, *коликъ*, *толикъ*, *верига* (?), *мигъ*; суффикс *-(н)ик(ъ)*, который, по Ланту, следует отличать от *-иц(a)* с исконным монофтонгом; образования с префиксом *при-* (с. 17—18; 21; 65, примеч. 42; 70, примеч. 69). Обосновать консервативный характер позиции автор пытается при помощи гипотетических поверхностных репрезентаций *a? → ai*, *e? → ei*, первая из которых имеет типологические параллели (с. 19—20; 64, примеч. 40).